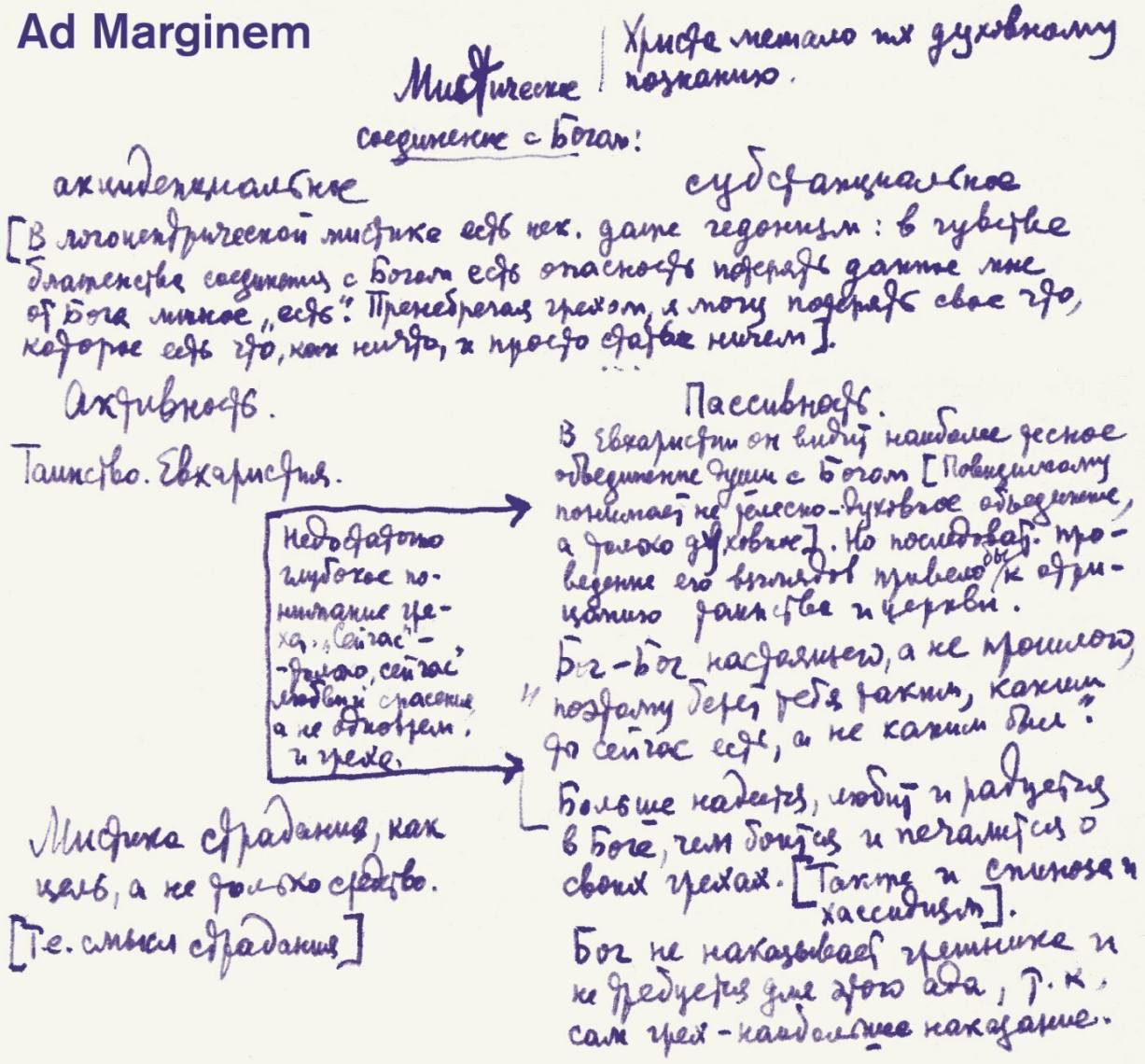
Ad Marginem



Яков Друскин неизданное

Яков Друскин

Неизданное. Наброски. О себе и друзьях. Письма

«Ад Маргинем Пресс»

2026

УДК 82-991+82-6+2-1
ББК 86.201

Друскин Я. С.

Неизданное. Наброски. О себе и друзьях. Письма / Я. С. Друскин — «Ад Маргинем Пресс», 2026

ISBN 978-5-908038-47-8

Настоящее издание — сборник ранее не публиковавшихся сочинений религиозного философа, литературоведа и члена кружка «чинарей» Якова Семёновича Друскина (1902–1980). Около шестидесяти текстов 1920-х — 1970-х годов впервые выходят под одной обложкой по автографам из архивного фонда Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Среди них: «Основы трансцендентального учения о практических постулатах чистого разума», «Благодать», «Как читать Библию». Трактаты сфокусированы на важнейших для всего творческого пути Друскина темах времени, смерти и рефлексии религиозного опыта. Раздел «О себе и друзьях» содержит биографические заметки автора, записи о единомышленниках-«чинарях» Хармсе, Липавском, Введенском, Олейникове и анализ их произведений. Дополняют книгу письма Якова Семёновича к сестре Лидии Друскиной, религиозному философу Виктору Вургафтику, музыковеду Ларисе Бондаренко и другим. Сборник снабжен обширным корпусом комментариев и вступительным текстом составителя Валерия Сажина, а также статьей журналиста и культуролога Юрия Сапрыкина. «Неизданное» продолжает знакомить читателей с творческим наследием одного из самых оригинальных, но малоизвестных отечественных философов XX века. Книга выпущена в рамках совместного проекта издательства Ad Marginem и Музея ОБЭРИУ. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 82-991+82-6+2-1
ББК 86.201

ISBN 978-5-908038-47-8

© Друскин Я. С., 2026
© Ад Маргинем Пресс, 2026

Содержание

Судьба творческого наследия Якова Друскина 8
Наброски[11] 11
1 13
2 14
3 15
4 16
5 20
6 22
7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Яков Друскин
Неизданное. Наброски. О себе и друзьях

© Яков Друскин, наследники, 2026
© Валерий Сажин, составление, примечания, 2026
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

В этом был ужас
Был смертный грех…

Яков Друскин. Конец 1920-х

Яков Друскин. Автопортрет. Ленинград, 1940–1950-е. Бумага, карандаш. Натуральный размер

Судьба творческого наследия Якова Друскина

Яков Друскин. Автопортрет. Ленинград, 1940–1950-е. Тушь, перо

Все автографы и рисунки Якова Друскина, иллюстрирующие настоящее издание, даны в натуральную величину, если не указано иное.

В 1978–1979 годах началось формирование личного архивного фонда Якова Друскина в Отделе рукописей тогдашней Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ; ныне Российская национальная библиотека – РНБ). Друскин передал тогда семнадцать своих произведений (в их числе: «Это и то», «Контрапункт, или Соблазны», «Разговоры вестников», «Звезда бессмыслицы» и другие), а также серию комментариев к различным произведениям А. И. Введенского[1]. После кончины философа осталось значительное число его работ, собственно говоря, основной архив. Младшая сестра Лидия Семёновна Друскина в первую очередь щепетильно озаботилась сохранением архива в неприкосновенности. Каждый листок с автографом брата являлся, в ее представлении, исключительной ценностью[2]. Для тщательной работы по разбору, упорядочению, систематизации наследия Друскина ею был приглашен автор настоящей статьи. В результате более чем полуторадесятилетней работы личный архивный фонд Друскина в РНБ был пополнен почти пятьюстами его философскими и религи-

[1] См.: Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1974–1978): Каталог. Л., 1980. С. 97; Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983): Каталог. Л., 1985. С. 51–52.

[2] О ее гипертрофированной заботе о благополучии брата можно судить по публикуемой в настоящем томе переписке Друскина с сестрой.

озно-философскими сочинениями и разнообразными материалами к этим работам, почти двадцатью музыковедческими исследованиями, значительным числом аналитических работ Друскина о творчестве Введенского[3]. Ныне: Фонд 1232. (Друскин Я. С.). Описи 1 и 2.

Очевидно, что не всё, написанное Друскиным, благополучно сохранилось. В разных контекстах о пропаже некоторых его сочинений упоминает Л. С. Друскина – судя по нейтральной тональности её сообщений («не сохранилось»), можно понимать, что эти пропажи объяснялись разнообразными житейскими причинами. Наряду с тем, были пропажи, обусловленные злонамеренными действиями тех или иных лиц. Об одной такой: «не вернул ‹…›, несмотря на неоднократные требования автора» – упомянула Друскина[4]. В недавнее время стало известно, что автографы философа и его рисунок находятся в распоряжении бывшего помощника Друскиной в подготовке ею одной из публикаций: якобы, она «подарила» ему эти материалы[5]. Нельзя исключить вскрытия иных подобных случаев.

За исключением двух работ, ничто из разностороннего и обильного творческого наследия Друскина не было опубликовано при его жизни[6]. Это отнюдь не означало, что творчество философа на всем протяжении его жизни оставалось никому не ведомым.

Напротив! Известны документальные свидетельства чтения Друскиным в 1930-е годы друзьям и единомышленникам Д. И. Хармсу, А. И. Введенскому, Л. С. Липавскому и другим своих сочинений, например: «Мир перед Богом»[7], «Классификация точек», «Признаки вечности», «Окрестности вещей»[8], и их коллективное заинтересованное обсуждение. Безусловно, помимо этих документированных случаев, были и иные – чтение друзьями друг другу своих новых произведений являлось повседневным обыкновением их жизни.

С постепенным – поневоле – исчезновением друзей Друскина этот обычай прекратился навсегда. Известны лишь разнообразные в течение 1950–1970-х годов беседы Друскина с теми или иными лицами из близкого окружения о своих философских и философско-религиозных идеях.

После его ухода, со второй половины 1980-х годов, благодаря продуктивной заботе сестры о сохранении и, главное, пропаганде творческого наследия брата начались более или менее систематические публикации отдельных его работ. Большинство таких публикаций готовила к печати и снабжала своими пояснительными заметками и примечаниями сама Друскина.

В 2004 году вышел в свет подготовленный ею к печати, снабженный примечаниями и библиографией публикаций произведений Друскина содержательный том, включавший некоторое число впервые публиковавшихся произведений философа[9].

По прошествии двадцати с лишним лет с той важной публикации в 2026 году был опубликован емкий том произведений Друскина, включивший почти сорок его работ (среди них некоторые увидели свет впервые), Хронику жизни философа, значительное число его фотографий[10].

---

[3] Вместе с ними также многочисленными дневниками Друскина и эпистолярией; см.: Новые поступления в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (2001–2005). СПб., 2013. С. 101–108.

[4] Ее примечание в кн.: *Друскин Я. С.* Дневники. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 507.

[5] Надо понимать степень пиетета Друскиной по отношению к каждой мелочи из наследия брата, чтобы отвергнуть вероятность такого ее «дарения».

[6] См. Хронику жизни и творчества Я. С. Друскина: *Друскин Я. С.* Сочинения в 2 томах. Том 1: Трактаты и наброски. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026. С. 588–601.

[7] Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Вита Нова, 2019. С. 88.

[8] *Липавский Л. С.* Исследование ужаса (3-е изд.). М.: Ад Маргинем Пресс, 2026. С. 325–326, 313, 319–321.

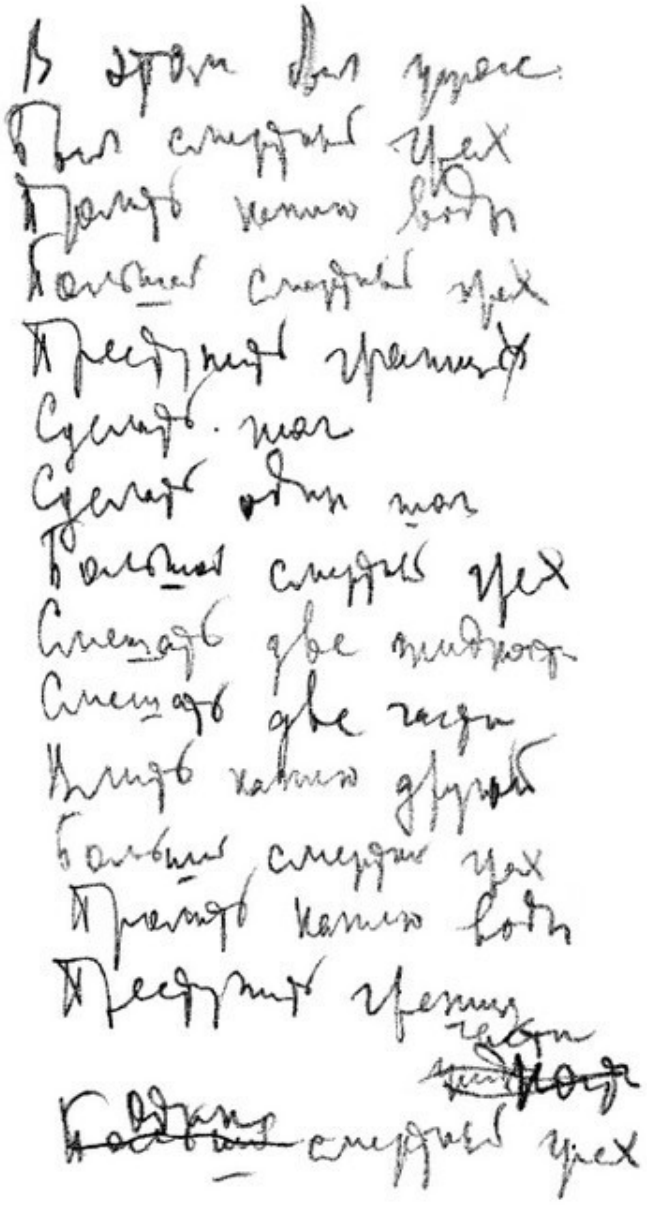
[9] *Друскин Я. С.* Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004.

[10] См. примеч. 6.

В настоящем издании впервые представлены исключительно не публиковавшиеся прежде произведения Друскина: трактаты и наброски, заметки о себе и друзьях, переписка. Это посильная лепта в продолжение знакомства читателей с неизданным творческим наследием философа.

Валерий Сажин

Наброски[11]



(Пролить каплю воды
Преступить границу)*

~~Сделать один шаг~~

24/IV 4

Воспроизводимые в книге автографы Якова Друскина, иллюстрирующие тексты его произведений, в оригинале выполнены пером и чернилами (чаще всего фиолетовыми), за исключением настоящего автографа, написанного простым карандашом.

[11] В настоящий раздел вошли произведения Якова Друскина за 1920–1970-е годы, впервые публикуемые по автографам из его личного архивного фонда в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.Из значительного объема неопубликованных сочинений философа избраны такие, которые разносторонне воспроизводят области его размышлений и исследований: онтологические, психологические, экзистенциальные, религиозно-философские.При воспроизведении текстов Друскина по возможности сохранена авторская стилистика и типичная лексика, оставлены сокращенные наименования Друскиным апостолов, присущее ему употребление слова «тожество». Вместе с тем унифицировано написание фамилии Кьеркегора (Друскин систематически по-разному ее воспроизводил), раскрыты в угловых скобках некоторые излюбленные Друскиным обороты речи, исправлены (тоже в угловых скобках) орфографические ошибки.

* На полях автографа имеются варианты стихотворных строф в круглых скобках и одна перечеркнутая. – *Примеч. дизайнера.*

1
«В этом был ужас…»[12]

В этом был ужас
Был смертный грех
Пролить каплю воды
Большой смертный грех
Преступить границу
Сделать шаг
Сделать один шаг
Большой смертный грех
Смешать две жидкости
Смешать две части
Влить каплю другой
Большой смертный грех
Пролить каплю воды
Преступить границу
Смешать две части
Один смертный грех

24 июля ‹кон. 1920-х›

[12] РНБ. Опись 2. № 60.

2
Наводнение[13]

Шли мы куда-то берегом, а река была с двух сторон, шли мы к‹а›к бы по молу. Подходили к к‹а›кой-то избушке, а вода уже из берегов выходила, мы бежать бросились.

А вода всё подымалась и скоро уже всю избушку накрыла до самой трубы. И из окна видно – вода мутная. Пустили мы воду из крана – посмотреть, что с водой – вода гниловатая. Налили в пузырек, пробкой заткнули, опрокинули, на свет посмотрели: а вода-то уже свернулась.

После наводнения[14]

Город пустой, улицы мокрые и дома пустые. Напротив из пятиэтажного дома из окон 2, 3 и 4 этажа медленно струйками вытекает вода. Страшно.

‹1920-е›

[13] РНБ. Опись 2. № 85.

[14] РНБ. Опись 2. № 85.

3
«Летом запрусь от мира…»[15]

Летом запрусь от мира и обдумаю всё к‹а›к и что есть. Я буду сидеть к‹а›к камень и каждое слово будет к‹а›к камень и буду писать в день по одному слову.

И первое будет, что я напишу, к‹а›к камень: что всё есть прах, и что прах не прах и небо стоит твердо.

И второе будет, что я напишу, к‹а›к вода: что всё течет и всё стоит неизменно и будет к‹а›к это и то[16].

И третье будет, к‹а›к изменчивое вещество: много книг, и круговорот и всё прах.

И четвертое будет к‹а›к камень: что всё есть прах, и что прах не прах и небо стоит твердо.

Тогда можно будет и умереть.

Летом запрусь от мира и обдумаю: к‹а›к всё есть. И лето будет не одно лето – будет много лет. И буду писать в год по слову, и слово будет к‹а›к камень – годовое слово. И будет четыре слова: к‹а›к камень, к‹а›к вода, к‹а›к прах и к‹а›к камень. А к‹а›к огонь нет.

Потом я умру.

А может, и к‹а›к огонь будет.

Потом я умру.

Петербург тысяча девятьсот тридцатый седьмого февраля Яков Друскин шесть часов утра начало седьмого.

1930

[15] РНБ. Опись 2. № 65.

[16] …это и то – соотносится с работами Друскина (черновые автографы) «Исследование об этом и том» (РНБ. Опись 2. № 68) и «Совершенный трактат об этом и том» (РНБ. Опись 2. № 63 и 113), а также с главами работы «Разговоры вестников» (Друскин. Т. 1. С. 87–119); см. там же Тематический указатель (последняя обложка).

4
«Что меня интересует сейчас?..»[17]

Что меня интересует сейчас? Во-первых, способы смерти. Затем – как я жил. Я не вижу ничего впереди – вестники улетели[18], – поэтому меня интересует прошлое: как я жил и зачем. Затем меня интересует некоторая пустота: мне нечего сказать.

Точная идея: некоторое равновесие с небольшой погрешностью[19] – это точная идея. У меня была еще другая идея, тайная, я назову ее нескромной: соседний мир[20]. Соседний мир – это уверенность в разных способах существования, я хотел подсмотреть не то. Еще у меня была идея, я назову ее дерзкой, – идея Вавилонской башни. Я хотел узнать всё и изложить по порядку. Других идей я сейчас не помню, меня интересуют эти. Что касается до дерзкой идеи, то здесь я полный банкрот. У меня была смелость, но я не уверен, что по отрывкам, которые сохранились, кто-нибудь поймет это (А). Между тем сохранилось, должно быть, лучшее (Б). Затем я открыл метод – метод этого и того[21], с помощью этого метода исследовал соседний мир (В) и некоторое равновесие.

Мне нечего сказать, я банкрот (Г). В чем здесь дело? Во-первых, в том, что даже то, что я открыл и исследовал, – метод этого и того, соседний мир, некоторое равновесие и другое – даже это я сделал не так, как хотел. Я отказался от системы или полноты. Но это банкротство, по-видимому, неизбежное для человека. Помимо того, в этом и заключается открытие: небольшая погрешность, ошибка принадлежит к существующему. Я впервые понял значение неточности. Но затем я запутался в неточности, которую открыл, не вижу различия между небольшой и большой погрешностью. Когда я стремился к точности, – я строил Вавилонскую башню, и она рухнула. Я открыл некоторую неточность и первое время пользовался ею как надо, т‹о› е‹сть› правильно, но теперь потерял критерий неточности. Таким образом, сейчас нет точных идей, допускающих необходимую погрешность. В-третьих: раньше я писал плохо, потом стал писать хорошо. (Я имею в виду стиль или слог.) Но затем я приобрел некоторые приемы и тогда кончил писать: не стало мыслей. Меня удивляет: с каким упорством годами я искал нужный термин, не пренебрегая и плохими. Я хотел найти термин, термин – недоказанная теорема, – не думая о том, хорошо ли это будет изложено или плохо, и в конце концов находил и излагал хорошо. Но плохое изложение, т‹о› е‹сть› плохой стиль меня не останавливал, я удовлетворялся и плохим, если это было правильно. Когда же находил правильное изложение, оно оказывалось и хорошим. Теперь же, уже два года, пытаясь писать, я вижу, что стремлюсь не к правильному изложению, но к хорошему или красивому, и не нахожу ни правильного, ни хорошего. Наконец я пришел к такому состоянию, когда у меня нет ничего, никаких мыслей, полная пустота. Это состояние я назвал когда-то нулевой истиной, истиной нулевой степени[22].

Когда я обнаруживал ошибку в своих рассуждениях, я думал: надо писать, когда не будет никаких желаний, никаких склонностей, когда будет полная пустота, тогда буду правильно рассуждать. Сейчас нет никаких желаний, никаких склонностей, полная пустота – рассуждать не о чем.

---

[17] РНБ. Опись 2. № 72.Вариант наст. текста см.: Друскин. Т. 2. С. 16–21. Важный текст для понимания творческой работы Друскина: он систематически писал несколько вариантов схожих текстов, внося всякий раз те или иные существенные коррективы; здесь содержатся мотивы многих иных работ Друскина.

[18] …вестники улетели – см. работу «Разговоры вестников» (Друскин. Т. 1. С. 71–123 и примеч.: с. 543–544).

[19] …некоторое равновесие с небольшой погрешностью – этот популярный мотив работ Друскина подхватил Д. Хармс и написал в 1938 году свое квазиисследование: «Разные примеры небольшой погрешности» (Хармс. Т. ‹4›. С. 17–21).

[20] …соседний ‹мир› – см. Друскин. Т. 1. С. 539.

[21] …метод этого и того – см. примеч. к предыдущей работе.

[22] …нулевой степени – см.: Друскин. Т. 1. С. 188, 189 (в работе «Ignavia» и примеч.).

Я открыл старые тетради: «Непосредственное и его основание»[23] (А) – это общее название семи или восьми исследований – страниц 200. И не мог прочесть и нескольких строк. Можно представить себе философию скопца: бесцветный мир. Эти люди были названы людьми лунного света[24]. «Непосредственное и его основание» – скопческая философия. Это никому не нужно и не понятно, эти исследования писал человек с другой планеты. Но меня удивляет их тонкость, возвышенность и благородство.

Путь моего банкротства: высокие предметы – высокий стиль – хороший стиль – красивый стиль – банкротство. Высокие предметы – это то, что за смертью. Но затем пришел Георг, показал мне смерть[25], и я подумал: что мне до того, что за смертью, сейчас это не имеет ко мне отношения, сейчас меня интересует, как придет смерть, как я буду сейчас перед смертью (Д). До прихода Георга я не думал о себе, также не думал о себе после смерти. Но затем это стало лицемерием. Я хотел думать, что всё благополучно, я не понимал благополучия в неблагополучии: «сила Моя совершается в немощи»[26] – этого я не понимал, и бессмертие для меня было абстрактным. Всё же в этом было благородство: не думать о себе, но о том, что за мною и за смертью. С одним я говорю иначе, чем с другим, с женщиной иначе, чем с мужчиной. Я писал как бы перед лицом смерти. Вернее, я писал как бы за смертью. Это и есть высокий стиль. Но Георг показал мне: я писал так, как будто бы смерти и вообще нет. Тогда это стало лицемерием – т‹о› е‹сть› продолжать писать также стало бы лицемерием. Сейчас я пишу, как говорю, и в этом мое банкротство (Е).

Бывает сомнение и уныние. Я могу записать то, что думаю сейчас в сомнении и унынии, и это может сохраниться. Если это будет записано плохо или хотя бы хуже, чем прежнее, – это не имеет значения, это погрешность небольшая. Но если то, что я сейчас пишу, закончу, и это окажется лучше того, что раньше писал, – это будет банкротством.

Когда я нахожу что-нибудь новое – щель, или грань[27], или то, что показал мне Георг, – я знаю это точно и некоторое время излагаю точно, но не могу сделать из этого по-человечески благоприятных для меня выводов, оно противоречит моим привычным удобствам, моему покою. Но затем стараюсь найти и нахожу некоторое благополучие. Новое, что я узнаю, высказывается в новых терминах, значит, в новой системе, затем появляются приемы, но мысли теряют необходимую определенность, возрастает неточность, я теряю критерий неточности. Неопределенные мысли важнее определенных, в неопределенных мыслях есть некоторая неточность, их неточность – небольшая погрешность и строго ограничена. Поэтому неопределенную мысль нельзя пересказать своими словами, ее надо передать точно, например: «блаженны нищие духом»[28] – это идеал и предел определенной неопределенности и точной неточности. Неопределенная мысль требует большей точности, чем определенная. Но бывает другая неопределенность, неопределенная и неточная, когда мысль не имеет значения, потому что применима ко всему, здесь совсем нет точности. Вначале я не нахожу благоприятного мне, т‹о› е‹сть› удобного и покойного, начало – определенная неопределенность, точная неточность. Но затем мои склонности и желания незаметно для меня делают приятные для меня выводы, теряется точная неточность, появляются приемы, стиль и вторая неопределенность – неопре-

[23] «Непосредственное и его основание» – текст этой работы отсутствует в архиве Друскина.

[24] …людьми лунного света – вероятно, имеется в виду так названная книга В. В. Розанова (1911).

[25] …пришел Георг, показал мне смерть – речь о приснившемся Друскину в ночь с 14 на 15 июля 1932 года его гимназическом учителе; этот сон, как важную веху своего самосознания, Друскин вспоминал периодически с 1933 по 1979 год; см. примеч.: Друскин. Т. 1. С. 594.

[26] …«сила Моя совершается в немощи» – 2 Кор. 12:9.

[27] …щель, или грань – см. работу «Щель и грань» (Друскин. Т. 1. С. 48–57 и примеч. С. 541), к мотивам которой автор возвращался на протяжении 1940–1960-х годов.

[28] …«блаженны нищие духом» – Мф. 5:3.

деленная неопределенность, когда мысль не имеет значения: применима ко всему, т‹о› е‹сть› ни к чему.

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью – это нарушение и восстановление равновесия. Нарушение и восстановление равновесия есть сейчас. Но я не могу определить это сейчас, не могу сказать: всегда сейчас, или: сейчас, и сейчас, и сейчас… или: только сейчас. Все эти ограничения сейчас введут его во время, а оно именно прорывает время. Нарушение равновесия я замечаю как новое, что явилось мне сейчас, как определенную неопределенность, точную неточность. Восстановление равновесия я замечаю как неопределенность второго рода – неопределенную, неточную, когда мысль не имеет значения, как простое тожество: то – то. Если так замечаем мы восстановление равновесия, то я не вижу благоприятствующего мне. Я исследовал степени высоты и повороты и нашел здесь некоторое равновесие, когда оно нарушалось, – это равновесие с небольшой погрешностью. Но как понимать восстановление равновесия, откуда вторая неопределенность? Что сказать мне о своем банкротстве и отсутствии мыслей? Слово нарушило равновесие. Это определенное слово, знак, в нем есть необходимая неточность. Но вот любое слово восстанавливает равновесие, и оно неопределенно и пусто, как то – то.

Еще я могу сравнить нарушение равновесия с пробуждением души, а восстановление – с ее засыпанием и сном.

Нет двух равновесий, нет нарушения или восстановления равновесия. Оно всегда есть, как некоторое равновесие с небольшой погрешность‹ю›, я же замечаю его, как нарушение или восстановление равновесия. Но замечая как восстановление – ничего не вижу. Я замечаю только нарушение равновесия.

Последнее место – место последнего отсутствия – это некоторое равновесие с небольшой погрешностью, только что восстановленное.

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью не нарушается и не восстанавливается. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью есть в видимом, в том, что не есть, есть видимость происхождения и времени, но само равновесие – то, что есть, – не во времени. Я же замечаю его как нарушение и восстановление, замечаю как погрешность. Оно открывается мне в нарушении, когда же восстанавливается – но только в видимости, потому что само не нарушается и не восстанавливается, но ЕСТЬ, – когда же восстанавливается – я ничего не вижу.

Время – форма восстановления равновесия, форма ничто. Время убивает мгновение, и в само мгновение я вношу чуждое ему – ожидание, идею вознаграждения, таким образом, будущее, т‹о› е‹сть› время: так время изнутри убивает мгновение.

Время имеет начало. Когда некоторое равновесие нарушается, возникает время – небольшая погрешность. Но я замечаю его не в нарушении равновесия, а только в восстановлении, замечаю, как то, чего нет, в пустоте и в отсутствии, оно всегда есть, как то, что не есть. Но это НЕ ЕСТЬ убивает меня сильнее всего, что есть.

Возможность времени и есть начало времени, ведь время начинается не во времени, но в вечности время тоже не начинается.

Но можно ли сказать о времени: есть? Есть мгновение, но оно проходит. Время же всегда только может быть. Возможность времени и есть время.

Я – переход от возможности к существованию. Тогда сохраняюсь ли я в существующем, когда переход будет осуществлен? Или переход вечен, и я осужден на вечный переход? Или

случай даст соединение – соединит меня переходящего со мною перешедшим? Или есть возвращение из существующего в возможное? Может, это страшнее всего?

Я знаю ответы на некоторые вопросы. Но ответ надо не знать, а видеть. Но сейчас, когда вестники скоро уже два года как оставили меня, я не вижу.

1936

5
О целомудрии и плодородии[29]

Что жить с женщиной и иметь от нее детей нарушает целомудрие – это ясно, но с самим собою? Это надо исследовать. Теперь надо исследовать, что значит плодородие. Первое плодородие – это иметь детей от женщины. Но если не иметь от нее детей и не жить с ней, то это будет второе плодородие, оно выше первого. Но с самим собой? Как это понимать? Может, так: второе плодородие тоже пусто – оно удержание, но что в нем положительного? Плодородно ли оно? Но где родилась щель и грань[30]? Ведь в том, чтобы не удерживаться с самим собою и что названо – «это». Тогда есть шар вертящийся и, может, даже Бог. Не будет ли это третьим плодородием? Полнота и цель в отсутствии цели, замкнутость и ограниченность, и третье плодородие, и, может, даже сверхплодородие. Но если не удержаться и от удержания удержания, то не будет ли это четвертым плодородием – сверхплодородием? Несомненно, что раз или два так было, и пусть будет. Но четвертое плодородие не то же ли, что и второе? Нет, это невозможно, второе есть удержание, а четвертое – неудержание. Это так: если утром встав, найдешь чистоту, не поддавшись мгновенному вчера вечером вожделению, – это второе плодородие. Но впал в тоску и горе от собственного бесплодия, увидев незначительность этой чистоты в сравнении с всемирным плодородием. И если бы вчера не удержался – это было бы третьим плодородием. Но сегодня – тоска и горе. Но теперь неудовлетворение от неудовлетворенного вожделения, и это сверхвсемирное сверхплодородие и неудержание от удержания – четвертое плодородие. Ясно, что теперь удовлетворение.

Что выше – неудержание или удержание? Выше неудержание, и оно в третьем и в четвертом.

Теперь о целомудрии. Лучше, если целомудрие то, что простое, а не чистое. Чистое может быть не целомудрием, и простое – целомудрием. Лучше целомудрие плодородное, чем не плодородное. Лучше же всего целомудрие сверхплодородное. След‹овательно›, третье и четвертое плодородие лучше всего. Но другое, может, и не есть целомудрие, ведь простое отсутствие не есть целомудрие, и иметь детей от женщины тоже не есть целомудрие. След‹овательно›, третье и четвертое. Но что такое целомудрие? Целомудрие – простое, но не отсутствие, тоже рождение щели и грани. Но что там рождается? Щель и грань. От кого? От меня. А я? Я тоже там рождаюсь. Когда круг, и шар, и подергивания щупальцев, открывается щель в небе, и из щели льет свет на плоскость, плоскость же от щели и до меня, и вся поддерживается, и тогда я рождаюсь и щель, а в щели тогда грань. Но это уже четвертое плодородие, а в третьем – вертящийся круг и ось мира. Несомненно, четвертое выше третьего, но четвертое без третьего – простое удержание. Быть между третьим и четвертым, колебаться в этом промежутке – это четвертое. А что целомудреннее? Оба одинаково целомудренны, и может быть, третье даже более целомудренно, а четвертое более плодородно. Почему так? Источник плодородия и семя – в третьем, но в четвертом семя дает плод, поэтому, может, четвертое плодороднее, но третье не знает ничего, кроме себя, и творит без цели видимость в беспрерывном и напрасном изливании семени. Оно источник целомудрия, но источник целомудрия целомудреннее результата, источник же плодородия менее плодороден, и причина его – в плоде. След‹овательно›, третье и четвертое вместе целомудренны и плодородны, и одно есть корень – ему по преимуществу принадлежит не плодородие, но целомудрие, другое – плод – по преимуществу ему принадлежит плодородие, но оба равно целомудренны и плодородны. Что это значит? Как равно целомудренные и плодородные не потеряли надобность в третьем? Не присутствует ли третье уже

[29] РНБ. Опись 2. № 387.

[30] …щель и грань – см. выше примеч. к работе 4.

в четвертом? По всей вероятности. Но почему четвертое не может присутствовать в третьем? Потому что тогда третье станет четвертым, в котором присутствует третье, четвертое, и ‹что, если им› потеряется надобность в третьем? В каком смысле потеряется? Я сейчас в этом не буду нуждаться, но «сейчас» и «я» – это щель и грань, и они не нуждаются, но щель в небе и подергивания щупальцев на плоскости есть возможность третьего плодородия, и возможность значит, что кто-то и когда-то нуждается, и будет в третьем плодородии, и кто-то, значит, ‹1 нрзб›, и возможно, что я и ты, а когда-то, значит, возможно, что и сейчас, но и раньше, а потом и всегда. Щель и грань никогда не нуждаются в этом, но я нуждаюсь и буду вечно нуждаться, но я – щель и грань, и я не нуждаюсь, а они возможно, что и нуждаются. Но всё это совсем не так, сказав это и отрицая, мы совершили переход, и он всегда один – грань и я, и щель – не два, но одно, и нет даже возможности быть двум, и ничто не нуждается. Все довольны, и никто не нуждается, и в нужде не нуждается, и в этом.

‹1930-е›

6
«Можно назвать мгновением…»[31]

Можно назвать мгновением небольшой промежуток времени, когда различное воспринимаю как одно качество. Ты[32] назовешь этот промежуток временем, потому что его можно измерить часами. Но можно ли назвать временем наименьший промежуток времени, в течение которого ты можешь увидеть качество как цвет? При этом безразлично, одинаков ли этот наименьший промежуток времени у тебя и другого. Еще можно назвать мгновением начало чего-либо, ясно, что здесь нет времени. Еще можно назвать мгновением то, в чем нет ни движения, ни покоя, ни времени. Имеет ли это мгновение продолжительность, или оно подобно началу? Но может, и начало имеет продолжительность? Если же это мгновение имеет продолжительность, то может ли быть, чтобы в нем не было времени? Если же время не существует как сосуд, то внешнее время, а вместе с ним отсутствие времени, измеряемое внешним временем и часами?

Еще надо различать движение видимое и невидимое. Если небольшие и скорые колебания струны дают звук, то эти колебания невидимые, но звук слышен. Невидимые колебания существуют по предположению, но существовал звук несомненно. Если я говорю, что в мгновении нет движения, то я имею в виду отсутствие видимых движений. Так же соединением я буду называть только соединение видимых движений и предметов. Еще надо различать время, в течение которого ничего не происходило, от отсутствия времени.

Если время не существует как сосуд, то ты определишь его как деятельность или что-либо подобное деятельности. Но может быть, мгновение – деятельность, а время – некоторое отсутствие?

Но теперь я предполагаю, что мгновение – это то, в чем нет ни движения, ни покоя, ни времени. Затем я предполагаю, что это мгновение может быть измерено часами. Ты можешь считать его наименьшим промежутком времени, в течение которого я могу видеть цвет или слышать звук.

Затем я предполагаю, что движение, вообще различное и многое, можно видеть, не соединяя его. Можно ли наблюдать движение в мгновении? Можно ли наблюдать время в мгновении?

‹1930-е›

---

[31] РНБ. Опись 2. № 84.

[32] Обращение «ты», вероятно, относится к Л. С. Липавскому, к его аналогичным рассуждениям в работах «Время», «Строение качеств» и в диалогах о мгновении в «Разговорах» (см.: Липавский).

7
Пути неба[33]

1. Есть некоторое отношение, простое и неделимое. Оно есть отношение двух частей, не множество и не число, а простое состояние. 2. Одна часть – наше, а другая – не наше. То, что не наше, есть отсутствие основания или то же самое основание, т‹о› е‹сть› основание то же самое с тем, что основано. Оно и само и не для себя и не для другого, поэтому не удерживается и распространяется. 3. А наше удваивается. Оно есть основание свое или другое, или другое и его основание, т‹о› е‹сть› другое, само и для себя. 4. Если не удерживается и нет ничего самого для себя и для другого, то не может быть другой части, то же, что само или для другого, есть дважды: что-либо и само. Само – основание чего-либо, и это – другое основание, а чего-либо уже не видим иначе, как через само или другое. В этой части – две части, и одно будет как что-либо, а другое – как его основание и между ними отношение. 5. В этой части всякое что-либо имеет основание, и сама эта часть – наше имеет основанием другую часть – не наше. Но это не то первое отношение, о котором сказали: простое и неделимое, в том не было основания и обоснованного, и то было отношением нашего и не нашего, а это – нашем нашего и не нашего. 6. Оба различных отношения – одно, причем как только различное – первое и второе, как одно – первое, о котором сказали, что оно простое и неделимое, и одна граница: во-первых, между нашим и не нашим и, во-вторых, в нашем между любым чем-либо и его основанием, между нашим и не нашим в нашем, и что-либо, во-первых, основано и, во-вторых, имеет основание – обосновано; если что-либо основано, то оно есть; другого же к нему нет, и это отношение первой части и первая граница – предел и конец первой части и несуществование второй, если же имеет основание, то есть что-либо и другое, но в другом, и это отношение второй части и вторая граница, разделяющая обе части, одинаково несуществующие в отношении к первой; здесь может быть два отношения: от первой части ко второй и от второй – к первой, но оба – одно отношение второй части к первой, а то, простое и неделимое – первой ко второй, оба этих – одно отношение, первое. 7. Первая граница – конец и предел первой части и несуществование второй, тогда первая часть будет названа всем. Но всё – целое и само, а то же самое основание не может быть самим или собою, и только с точки зрения второй границы названо всем, т‹ак› к‹ак› иначе не можем сказать, что нет к нему другого. 8. Всё – граница, предел и конец того, что есть во второй части, сказано же о первой. О ней сказано: всё и само, оно же не всё и не само. 9. Первая граница, во-первых, между нашим и не нашим, между двумя частями, во-вторых же, конец и предел первой части и несуществование второй. Две части, и пусть это и то[34], и граница между ними или предел первой и несуществование второй – первая граница, или граница между ними во второй части, тогда не между ними, но между ними во второй части – вторая граница. При этом обе границы должны быть одной. 10. Формула отношения двух частей: это есть то, которое есть это и то, и второе это не тожественно первому, как и второе то. При таком отношении то не бывает другим к этому. «Это» – первая часть, не наше; «то, которое есть это и то» – вторая; «есть» между первым этим и тем – первая граница, которая станет пределом; «и» между этим и тем вторым – вторая граница; «которое есть» между тем и вторым этим и тем – обоснование, и то станет основанием для второго этого и того. 11. Если о чем-либо сказано: есть, то назовем его существующим, если оно есть так или иначе, то существование

[33] РНБ. Опись 2. № 112.Друскин написал несколько вариантов этой работы в течение 1930–1950-х годов. Ни один из них не окончен. Публикуем первый вариант, наиболее совершенный, в отличие от обилия незавершенных попыток переписать работу (РНБ. Опись 2. № 117–120).Авторская лексика и пунктуация работы оставлены почти без изменений. Пункт 92 автором пропущен в нумерации.

[34] …и пусть это и то – см. примеч. к работе 3.

так или иначе назовем способом существования, если что-либо есть и когда что-либо есть, ‹а› другого нет, то другое назовем несуществующим, если что-либо – существующее, а другое – несуществующее и что-либо невозможно без другого, так что отдельно от него станет другим и несуществующим, то что-либо назовем существующим и действительным, а без другого, как и одно другое – возможным. Отношение между не нашим и нашим, о котором сказано простое и неделимое, и сказано: есть, будет существующим и действительным. 12. Но это отношение есть способ существования первой части, и чтобы не стало ее основание, будет и ее существованием и самой этой частью. Существующее и действительное: это есть то. 13. Если вторая часть – это «то» только тожественна первой, то первая остается собою и «это» само станет своим основанием. Тогда «то» тожественно «этому» как различное от него, и если «это» существующее, то «то» – несуществующее. Поэтому первая часть будет несуществующим, так и несуществующим – их тожеством. 14. А то, которое есть это и то, и каждое в отдельности – несуществующие и возможные. Обоснование будет способом возможности этого и того, само же только возможно, и возможность обоснования принадлежит к способу существования существующего, т‹о› е‹сть› первой части. 15. Две части; одна есть, другая, может быть, и не есть. Если обе – одна, то первая. Если две, то обе во второй и только могут быть. Две различные части, и обе одна: как одно два – первая, как только одна или две – вторая, и в первой есть обе части, как различные и обе – одна, во второй же – только вторая, хотя и две. 16. Если что-либо есть и только есть, то будет одно и само, и само будет его основанием. Тогда как есть, так и не есть – одно два, а то, что только есть – не есть, но возможно. 17. Не есть, но возможно то, в чем нет существующего помимо способа существования, если способ существования не тожественен существующему: если что-либо предполагается существующим, названы его признаки, при исследовании же будет найдено, что это признаки – признан способ существования существующего и не останется ни одного признака существующего, то оно не есть, но возможно. 18. Во-первых, возможно, потому что есть признаки способа существования, и во-вторых, возможно существующее. Во-первых, возможное возможно как возможно: как неосуществленное намерение, незаконченная мысль, направление ума. Во-вторых, есть возможность, и эта, если не станет возможностью возможности возможного, принадлежит к способу существования существующего, тожественного ‹некоему› существующему, которое есть как существующее, так и несуществующее. 19. Во-первых, одно и то же быть самим и быть только существующими то, что само, – только есть. Но признаки такого существующего – только признаки способа существования, и то, что само, – не есть, но возможно. 20. В возможном вторая граница – между двумя возможными части: между чем-либо и его основанием, между существованием и способом существования, между существующим не существующим, между нашим и не нашим в нашем. Между чем-либо и его основанием: что-либо сказано, и отделяется от сказанного и будет его содержанием, смыслом или предметом; оба уже сказаны – понятия и общее, и одно из них основание, другое – что-либо, видимое в основании, что-либо обоснованное, само что-либо, но не что-либо, которое должно быть сказано; оно осталось несказанным. 21. Обоснование – определенное направление ума, образ мыслей, при котором вводится разделение существующего и несуществующего, существования и способа существования и другие подобные этим. При этом существующее предполагается только существующим, и не существующее – только несуществующим. 22. Существующее предполагается всем существующим, за которым уже нет другого существующего. Каждое что-либо предполагается целым и в каком-либо отношении всем, и предполагается полное множество этих всех – последнее все, за которым нет другого. 23. Исследование существующего отделяется от существующего, и предполагается возможность полноты, последовательности и непротиворечивости исследования – системы и завершения системы. 24. Но всё это только возможное направление ума и основание, придуманное к другому, тоже придуманному – обоснованному; содержание – основание для представления и понятия, смысл – для его всеобщности, предмет – для некоторой независимости от

воспринимающего. 25. Последнее же основание – всё. Оно и будет основанием для чего-либо определенного, т‹ак› к‹ак› такого нет, но только другое имя для определенного образа мыслей и направления ума. Таким же основанием будет и понятие системы, ее полноты, и непротиворечивости и завершения. 26. Между существованием и способом существования: если способ существования не тожественен существующему, то существующее разделится на существование и способ существования. Отделение чего-либо от другого так же, как и соединение с другим, ограничение чего-либо между собою и всего – всем будет его способом существования. 27. Граница – между чем-либо существующим и существующим так или иначе – предел понимания, между чем-либо одним и другим – предел одного, между всем и тем, чего нет – предел всего. Это одна граница, и один предел и основание сделает целым и всем как одно что-либо, так и многие, назвав их: всё. 28. И это только предел понимания, потому что, дойдя до границы чего-либо или всего, ты одинаково спросишь: что за чем-либо или за всем? И всегда найдешь: способ его существования. Тогда, расширив границы чего-либо и всего, сказав: и способ существования – существующее, вот всё; что за всем? И снова найдешь способ нового существования. 29. Таким образом всегда проводится граница между двумя возможными частями, затем новая граница – предел этих двух частей, и снова граница между этими двумя частями, объединенными в одну, и чем-либо другим, что всегда найдется по мере надобности, т‹о› е‹сть› будет придумано. 30. Между существующим и не существующим: когда две возможные части, разделенные границей, объединяются в одну и называются всем, то не остается ничего другого, как то, что за всем, назвать несуществующим и провести между ними границу – предел всего. 31. Но затем и в несуществующем будет найдено существующее, и при желании можно определить степени существования и несуществования. Но оба, и существующее и не существующее, разделенные границей, – только возможны, и степени существования произвольны: в одном не больше существования, чем в другом. 32. Между нашим и не нашим в нашем: здесь два отношения: первого ко второму или второго к первому, но если граница между ними и станет пределом первой и не существованием второй, то оба будут вторым отношением, поэтому, когда сказано: граница между нашим и не нашим нет надобности прибавлять: в нашем; она всегда в нашем между двумя возможными частями. 33. В не нашем же граница сразу же будет пределом первой части и несуществованием второй, противополагаемой первой. Тогда обе различные части, существующая и действительная и несуществующая и возможная, тожественны в первой. 34. Не только обе части, но и оба отношения тожественны в первом. Не тожественное второму, оно и будет вторым, т‹ак› к‹ак› будет граница между первым отношением и вторым. 35. Во-вторых, если возможность возможного не станет возможностью возможности возможного, то есть. Само разделит что-либо на основание и обоснованное. Но затем понадобится основание для основания и обоснованного, и дальше так же. И так же возможность возможного станет возможностью возможности возможного, и дальше так же. 36. Если же не станет, то есть. Возможное не есть. Если же существующее не может быть только существующим, то есть возможность возможного. 37. Существующее как есть, так и не есть, и поскольку не есть – может быть. Тогда есть ему возможность не быть – возможность возможности. Причем оно одно как существующее, так и не существующее, но их разделение только возможно: «поскольку не есть» – только возможность, возможность которой есть, само же возможное не есть: не осуществилось. 38. Так есть то, что есть. Но это его так неотделимо от его что. В возможном же способ существования отделяется от существования: за пределами чего-либо или всего – способ существования чего-либо или всего. Но затем станет существованием. Тогда найдется другой способ существования, и способ существования становится существованием, но всегда, пока есть что-либо, будет способ существования чего-либо. 39. Но то, что есть, а не только возможно, не имеет никакого способа существования: не есть само, не удерживается и распространяется то, что оно так есть, есть его что. Поэтому, если нет никакого способа существования, то способ существования тожественен существованию, и если способ существова-

ния тожественен существованию, то его нет. 40. Возможное ограничено способом существования, действительное и существующее – пределом. За пределом – верхнее несуществующее, о котором ничего нельзя сказать или подумать, последний конец и предел. Но сказали это и будет другим – нижним несуществующим. Потому что не может быть сказан последний предел, и как только сказан, станет другим. 41. Верхнее несуществующее – невозможность сказать что-либо более определенное о первой части и отсутствии способа существования, а нижнее несуществующее – всё сказанное, когда уже сказано, слова и знаки, которые предполагаются сейчас, как имевшие смысл и значение в то время, как были сказаны, но сейчас не имеющие смысла, т‹ак› к‹ак› уже сказаны. 42. Что-либо существующее должно быть обозначено, и сказано и высказывается сейчас. Но всё сказанное уже сказано. Возможность знаков, не имеющих сейчас значения, значит недостаточность уже произнесенных или записанных знаков, названа несуществующим нижним, недостаточность всякого вообще обозначения, отделяющего существование от способа существования – несуществующим верхним, необходимость же обозначения принадлежит к существующему. 43. Что-либо должно быть обозначено, и что-либо есть знак чего-либо. Два предела в чем-либо, тожественном знаку чего-либо: всякий сказанный знак уже не тожественен чему-либо – нижнее несуществующее; всякий знак вообще разделит существующее и способ существования – верхнее несуществующее. 44. Что-либо, что должно быть обозначено, – это первое отношение, о котором сказано, что оно простое и неделимое. Но во-первых, сказанные названия уже разделили его и сделали сложным, и во-вторых, всякое название разделит и заменит сложным. Это его предел, за ним – верхнее несуществующее и, как сказано, станет нижним. 45. Как предел возможного не здесь и не там, но в способе существования и понимания, так и предел действительного и существующего в отсутствии всякого способа существования и понимания и существующее не имеет ничего другого, ни существующего, ни несуществующего. Это названо верхним не существующим, сказанное же станет нижним. 46. Сколько же несуществующих? Возможное к существующему и его последний предел – верхнее несуществующее. Сказанное же станет нижним, но не будет вторым к нему, только в возможности разделиться на два несуществующих, противополагаемых одно другому. 47. Если что-либо представляется как само, целое и всё, то будет возможным и несуществующим, т‹ак› к‹ак› такого нет, и назовем это абсолютным верхним. Если что-либо представляется только как состояние того, кто представляет, то будет возможным и несуществующим, т‹ак› к‹ак› такого нет, – нет ограничения состояния состоянием того, кто его имеет, назовем это абсолютным нижним. 48. В некотором образе мыслей всегда одно противополагается другому, и это противоположение предполагается соответствующим чему-либо действительному, хотя есть только склонность ума. Назовем это абсолютным противоположением, и таким же будет противоположение верхнего и нижнего несуществующего: оно одно, но не можем сказать его как одно. 48. Но и возможное, которое одно с существующим, как только возможное и в возможности – не одно с ним и несуществующее, тогда нижнее, т‹ак› к‹ак› это всё то, что уже сказано и предполагается сейчас, как то, что было сказано и имело значение, когда было сказано. Таким образом, если возможное – одно с существующим и если одно с несуществующим, несуществующее одно, как и существующее; но не только одно, и как и существующее, не может быть сказано как одно. Тогда существующее называется существующим и несуществующим, а несуществующее – верхним и нижним, и эти два – не одно. 49. В возможном одно может быть и есть, а другое не может быть и его нет. Если может быть и есть, то или будет только существующим и действительным, в чем уже нет ничего только возможного, тогда его нет: только одно и само оно будет несуществующим и возможным – отвлечением существования из существующего. Или будет возможным и действительным, существующим как существующее и несуществующее. Тогда уже не возможное, а существующее и действительное. 50. Если же не может быть и нет, то будет несуществующим. Не может быть и нет существования в возможном, т‹ак› к‹ак› всё сказанное о нем будет относиться к способу существования. Чего? Того, что может быть и

есть в возможном или чего в нем не может быть и нет. 51. Есть существующее – как существующее, так и несуществующее, одно – два, нет одного из двух. Но в первом способ существования тожественен существующему, так что и нет никакого способа существования, во втором же нет ни существования, ни существующего. 52. Что-либо есть так, что есть и не есть, пусть это будет его положительным существованием; когда же предполагается способ и будет способом существования того, что не имеет никакого способа существования или того, что не имеет существования, то не есть, и это назовем его отрицательным существованием. 53. Существующее есть и существующее и не существующее не так, что одно здесь, другое там или рядом, но оба – одно: одно два. Но не одно с несуществующим, названным верхним или нижним. Это несуществующее не будет, и не одно с ним, и оба – всегда два. 54. Но как только скажем о нем что-либо: что оно другое к существующему и оба всегда два, скажем не о нем, но о несуществующем, тожественном существующему. Неназванное оно будет верхним несуществующим, названное – нижним, сравниваемое с существующим – существующим несуществующим, возможным и тожественным ему, его отрицательным существованием. Тогда оба – одно два. 55. Модель существования чего-либо. Что-либо есть и за пределами чего-либо его способ существования. Пусть это будет обратной стороной чего-либо, и граница между ними – вторая. Эта граница не постоянная: способ существования становится существованием, но всегда пока есть что-либо, есть и способ его существования – обратная сторона и граница между ними. 56. Что-либо с обратной стороной ограничено пределом и первой границей. За этой границей – несуществующее верхнее, о котором ничего нельзя сказать. То, что что-либо имеет обратную сторону, то, что оно есть так, что есть и не есть и может не быть, то, что оно не имеет никакого способа существования, но нельзя не упоминать, говорить о его способе существования, то будет обратной стороной чего-либо, ограниченного первой границей, за которой ничего нет. Так что всегда будет что-либо и обратная сторона чего-либо: способ существования – за второй границей или отрицательное его существование – возможность второй границы. 57. Между положительным и отрицательным существованием чего-либо – граница, причем первая, но ни одно из этих двух не будет за этой границей, оба одно, граница же – предел, и за пределом – несуществующее верхнее. 58. Как в существующем нет различия между существованием и способом существования, так нет различия между границей и ограниченным, отношением и тем, что относится. Поэтому первая граница будет тожеством положительного и отрицательного существования и пределом, вне которого ничего нет. 59. Если же одно из двух: положительное или отрицательное существование будет за границей, то граница станет второй и одно из существований – способом существования. Если же обе границы – одна, причем первая, то что-либо имеет обратной стороной способ существования и сразу же отсутствие способа существования и только возможность его. 60. Говоря о существующем, не можем утверждать о нем только одно из двух противоположных предложений, чтобы сразу оно же не стало только возможным – одним из двух. Поэтому если граница первая и предел и за пределом ничего нет, то этот предел сразу же будет и второй границей, и ограниченное – в пределах первой границы, а вторая – между частями ограниченного, и обе границы – одна, первая. 61. Если первая граница не отличается от ограниченного и тожественна второй, то именем второй границы можно называть то, что разграничено ею. То, что разграничено ею, – только может быть, сама же эта граница, как тожественная первой, принадлежит к возможности возможного. Как только возможная вторая граница не тожественна разграниченному, как тожественная первой тожественна и разграниченному. Тогда и разграниченное не разграничено. 62. Некоторый образ мыслей, направление ума, намерение и цель – вот что вторая граница. Но тожественная первой – тогда и осуществление, но не того, что предполагалось быть осуществленным, не основание, а отсутствие основания. 63. И первая граница – образ мыслей, направление ума, намерение и цель, и тожественно осуществлению, существующему и действительному, но осуществлено намерение – отсутствие основания, а там – отрицание намерения, т‹ак› к‹ак› намерением было

основание, поэтому когда тожественно, то отрицательное существование и обратная сторона. 64. Потому и названо отрицательным существованием, что тожественно существующему, но осуществилось не намерение, а отрицание намерения, и что-либо есть так, что тожественно своему намерению и возможно его отрицание, т‹о› е‹сть› другое намерение; но оба тожественны в осуществлении: одно как отсутствие основания, другое – как отрицание всякого определенного возможного в намерении основания – отрицательное существование и обратная сторона. 65. Обратная сторона не что-либо это или то, на нее нельзя указать и сказать: вот здесь или там, но когда ищем существование, а находим только способ существования, то, заметив это, уже перешли на другую сторону чего-либо за второй границей, и если же это и есть то, которое есть это и то, то то, что это есть то, которое есть это и то, то будет обратной стороной чего-либо в пределах первой границы, за которой ничего нет, причем обе обратные стороны должны быть одной. 66. Если обратная сторона не это или то, не здесь или там, то всякое что-либо сразу же будет и своей обратной стороной; сказав: что-либо есть так и то, что оно есть так, то есть его что, я уже перешел на обратную сторону чего-либо. Поэтому обратная сторона есть и это и то, и здесь и там, за пределами же этого, того, здесь и там только несуществующее. 67. Если что-либо не удерживается и распространяется, то оно видно. Если видно, то различаются места: откуда видно и где видно, и первое – место видящего, а второе – видимого, того, что видно и есть. 68. Но что-либо видимое – предел, за которым ничего нет. Тогда места – в несуществующем: чего-либо видимого – в верхнем, того, кто видит, обозначает и называет – в нижнем, потому что всё сказанное отойдет к нижнему несуществующему. 69. Словом «видно» обозначается некоторое непосредственное существование, то, что есть непосредственно, сразу, независимо от всякого рассуждения, некоторое ощущение реального, неотделимое от реального – состояние реального. 70. Два состояния реального. В одном состоянии реального нет различия между воспринимаемым и воспринимающим, в другом есть: имея реальное я имею его как мое. И сразу же вижу: мое – не я. Тогда нахожу другое мое и снова вижу: мое – не я. В восприятии реального – всё мое и нет различия между моим и не моим, моим и мною. Но также всё мое – уже не я и не мое, и есть различие между моим и не моим. Поэтому два состояния и оба – одно. 71. Поэтому же если видно, то два места: откуда и где, и одно, может быть, не мое, другое мое. 72. Но само не видно, само предполагается, есть в мысли и намерении. Если же я отделилось от моего, то что же, как не само? Само отделило меня от моего. 73. Поэтому само не видно и не видит, но без самого тоже не видно. Чтобы видеть, необходима возможность самого. При этом не больше возможности самого: отделив от себя мое, я снова найду в себе мое и снова отделю от себя мое. Таким образом, я сам всегда только возможен. 74. Действителен же в непосредственном состоянии реального, когда нет различия между моим и не моим, моим и я, в чем-либо видимом, неотделимом от меня видящего. Но там нет меня самого, т‹ак› к‹ак› нет самого, и там что-либо не видно: некому видеть, т‹ак› к‹ак› видящий – в видимом и совпал с ним. 75. Во второй границе я вижу, но я сам только возможен, в первой я есть, но тожественен видимому, ничего не вижу и нет меня самого. Если вторая граница совпадет с первой, то, чтобы видеть, находясь во второй границе, я должен иметь возможность не быть собою, т‹ак› к‹ак› я есть в первой границе. 76. Поскольку я вижу, я возможен, как и вторая граница, в которой я вижу и в несуществующем, причем нижнем, как и вторая граница, когда только возможна. 77. Но несуществующее не будет другим к существующему и первой границе. Существующее, которое есть как существующее, так и несуществующее, не имеет ничего другого ни существующего, ни несуществующего, и несуществующее верхнее также не будет к нему другим, пока не названо. 78. Оба – существующее и несуществующее – два, и не станут одним, поэтому и не будут другим друг к другу. Но два, которые будут друг к другу только другим и отрицанием другого, совпадут, т‹ак› к‹ак› в каждом только отрицание другого и больше ничего. Такие два – абсолютны и совпадут в одном абсолютном. 79. Я вижу, находясь во второй границе и в несуществующем нижнем, и то, что я вижу, – первая граница и предел – нигде, т‹ак› к‹ак› нет дру-

гого, и т‹ак› к‹ак› нигде, то в несуществующем, которое не станет другим к существующему – в несуществующем верхнем. 80. Но оба несуществующие – одно, и я вижу из несуществующего то, что есть в несуществующем: существующее. 81. Различается: быть в чем-либо и касаться чего-либо. Будучи в чем-либо, я есть то, в чем я есть, и ничего не вижу. Отделенный от чего-либо, я не вижу его. Так, отделенный от чего-либо основанием, я не вижу чего-либо, но только основание и обоснованное. Не будучи в чем-либо и не отделенный от него, я касаюсь его и вижу. 82. Во второй границе я не нахожусь в чем-либо, в возможности отделен от него основанием и могу касаться его и видеть. Я могу и видеть в нем, т‹ак› к‹ак› в возможности отделен от него основанием, могу же касаться его, т‹ак› к‹ак› только в возможности отделен основанием, и касаясь и видя, вижу не через основание. 83. Но тогда уже не возможен, а есть, и если есть, то в чем-либо, одно с ним, и уже ничего не вижу. Так что могу видеть и вижу, и когда вижу, одно с тем, что вижу и не вижу. 84. Нахожусь в чем-либо, в возможности отделен от него, касаюсь его и снова в нем, одно с ним. Возможность отделения – условие касания; касание – видимость и видение, видение – существование, и если одно с ним, то уже нет видения. 85. Но касание не будет третьим ни к возможному и существующему, ни к существующему и несуществующему. Касание возможно, и как только возможное, его нет, оно в несуществующем и действительно, как действительное же и есть в действительном, тогда уже нет касания. 86. Существующее есть так, что есть и не есть, «не есть» – возможность касания и видения, «есть» – осуществление этого касания и видения, но когда есть, нет ни касания, ни видения. Касание – существование того, что есть так, что есть и не есть. Зачем другое название для того, что уже названо? 87. Нельзя избежать меня, видящего что-либо. Тогда что-либо существующее, названное первой частью, первым отношением, границей и пределом, называется касанием. Имея в виду себя видящего, я называю его касанием. 88. Где я? В нашем, там, где вторая граница. Здесь я сам, но только возможен. В не нашем, в пределе, я есть. Но там нет самого, нет меня самого, нет меня. 89. Я в переходе между нашим и не нашим, в касании. Но касание не третье: возможное или существующее, и если возможное, то я могу быть сам, или существующее – я есть, но нет самого, нет меня. Таким образом я разделен: мое существование отделено от меня самого. 90. Возможное и действительное тоже разделено, но в действительном и существующем – одно. В отношении себя самого я не могу сказать: здесь я разделен и два, там – одно. Может, там и одно, но я здесь. 91. Там, в не нашем, нет способа существования и то – не место. Место «оттуда» и «где», но не здесь и там, здесь и там – там одно. Но т‹ак› к‹ак› я вижу и состояние реально не отделимо от моего видения, то я не могу удовлетвориться тем, что там, в не нашем, два-одно, я там, но и здесь, и здесь – два. 93. Обратив внимание на себя, видящего, я не удовлетворился тожеством нашего и не нашего в не нашем. Тогда нашел места: «откуда» и «где», и они не здесь и там, здесь и там одно – там, но в несуществующем. Мое разделение – основание для предположения несуществующего, несуществующее – основание меня самого: если нет несуществующего, не тожественного существующему, не может быть меня самого; но я сам возможен, следовательно, есть несуществующее. 94. Места – определенное разделение, там нет никакого разделения и здесь и там – там одно, тогда места не здесь и там, не наше и не наше, но откуда и где, и если не там, то в несуществующем, не тожественном существующему. Я нашел эти места в несуществующем, обратив внимание на себя самого. 95. И еще два места: там – память о здешнем – место памяти и возвращение оттуда сюда – меня возвращения. Если там и здесь – там и сразу, то есть ли там память о здешнем? И будучи там, возвращаюсь ли назад? И еще одно место – место осуждения: если там и здесь сразу, то не осужден ли вечно быть здесь? И еще одно место – непонимания: если я разделен и здесь, и, может, вечно, что мне за дело до меня там? И много других мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.